

Фаддей Булгарин

Падение Вендена

Фаддей Венедиктович Булгарин

Падение Вендена

«Грозен был вид высоких башен и стен Вендена для покоренных туземцев Ливонии. Подобно исполину, возвышался замок над городом и над холмистыми окрестностями, ограждая власть Гермейстеров Ордена Меченосцев. Уже сокрушилось могущество Ордена, Ливония переменила властелинов; но унылый потомок вольного некогда племени в унижении еще дивился силе, воздвигнувшей сии громады сросшихся от времени камней, которые презирали и буйство стихий, и вражду человеческую. Непрístupная, древняя твердыня, поросшая мохом, возбуждала к себе уважение, подобно сединам старца, свидетелям исчезнувших поколений. Теперь, в раздоре трех держав за обладание Ливонией, укрывался здесь беспоместный король ливонский, Магнус, от гнева русского царя, от страшного гнева Иоанна Грозного!..»

Фаддей Булгарин

Падение Вендена

Посвящено М. А. Лон-вой.

Грозен был вид высоких башен и стен Вендена[1] для покоренных туземцев Ливонии. Подобно исполину, возвышался замок над городом и над холмистыми окрестностями, ограждая власть Гермейстеров Ордена Меченосцев[2]. Уже сокрушилось могущество Ордена, Ливония переменяла властелинов; но унылый потомок вольного некогда племени в уничтожении еще дивился силе, воздвигнувшей сии громады сросшихся от времени камней, которые презирали и буйство стихий, и вражду человеческую. Непрístupная, древняя твердыня, поросшая мохом, возбуждала к себе уважение, подобно седидам старца, свидетелям исчезнувших поколений. Теперь, в раздоре трех держав за обладание Ливонией, укрывался здесь беспоместный король ливонский, Магнус[3], от гнева русского царя, от страшного гнева Иоанна Грозного!

Ночь была мрачная: осенние облака закрывали луну. Печально отсвечивались серые стены замка при блеске огней русского стана. Огненная полоса, взвиваясь змеею

по берегам реки Аа, по холмам и долинам опоясывала город и замок, указывая во мраке места, занимаемые бесчисленным русским воинством. Глухой гул от смешанных голосов, подобно шелесту листьев в бурю, раздавался вдали. Но в замке и в городе царствовала могильная тишина. В безмолвном ужасе смотрели стражи с башен на несметную рать русскую, которая уже протекла половину Ливонии, заливая пожары кровью жителей. Иоанна почитали в Ливонии исполнителем божеского правосудия, предвестником Страшного суда.

В грустной думе сидел Магнус перед камином в уединенной комнате замка. Надежда отлетела от сердца, и страх обуревал слабую его душу. Внезапный треск пылающего дерева прервал его размышления, заставляя содрогаться, и собственная тень устрашала больное его воображение. С нетерпением поглядывал он на двери и прислушивался. Все было тихо. Наконец послышался шум в коридоре; он встал, закутался в свой красный плащ, надвинул на глаза круглую шляпу, украшенную белым страусовым пером, и обо-

ротился к входу. Дверь отворилась, и вошел рыцарь в черном полукафтани, с белым чрез плечо шарфом, на котором висел меч. Короткая черная мантия с белым крестом на левой стороне небрежно закинута была на спину. Рыцарь ввел за руку человека небольшого роста и немолодых лет, на которого Магнус обратил все свое внимание. Рыжие, включенные волосы как пламя светились, ниспадая по плечам. Небольшая и редковолосая борода не закрывала бледных щек, а серые глаза ярко сверкали в полумраке. Он был в буром кафтани, преопоясанном кожаным кушаком с медными дощечками. Невыделанная кожа составляла его обувь, по обычаю эстонских поселян. Чрез плечо на ремне висела сума из волчьей шкуры, шерстью вверх. При входе в комнату он снял рысью шапку и низко поклонился Магнусу. «Фон Дольет, – сказал Магнус рыцарю, – знает ли он по-немецки?» – «Знает». – «Итак, мы с тобою будем говорить по-латыни». Рыцарь склонил голову в знак повиновения. Магнус воротился к камину, сел на прежнее место, облокотился на маленький столик и подозвал к себе рыцаря

и незнакомца. «Благодарю тебя, – сказал Магнус, – за доставление мне письма от друга моего, герцога курляндского; но я хочу переговорить с тобою о другом. Меня уверили, что ты читаешь в сердце человеческом, знаешь все тайные помышления и предсказываешь будущее. Правда ли?» – «Испытай, государь, – отвечал незнакомец, – и тогда узнаешь, должно ли мне верить». – «Что ты думаешь, фон Дольет?» – спросил Магнус у рыцаря. «Государь! – отвечал рыцарь, – мне известно, что он пользуется большим уважением в Эстляндии, что не только поселяне, но даже рыцари и духовные прибегают к нему в трудных обстоятельствах жизни и что все его страшатся и почитают; более я ничего не знаю». – «Как же ты узнаешь будущее: посредством духов или по течению звезд?» – спросил Магнус у вещуна. «Знай, – примолвил он вполголоса, – что я не верю духам». В это время ветер потряс окно, и Магнус вздрогнул. Вещун коварно улыбнулся, и эта улыбка не укрылась от внимания рыцаря. «Осмелюсь повторить тебе, государь, – сказал вещун, – испытай и тогда узнаешь меня. О моих средствах я не могу

и не должен говорить». — «Фон Дольет! — сказал Магнус, — не обманщик ли он?» Рыцарь пожал плечами. «Оставь нас одних, любезный Дольет, — примолвил Магнус, — и подожди в круглой зале». Рыцарь вышел, и Магнус, помолчав несколько времени, сказал: «Не для испытания, но из любопытства хотел бы я слышать, знаешь ли ты мое настоящее положение, мои намерения и тайные думы?» — «Государь, — отвечал вещун, — не зная прошедшего и настоящего, нельзя узнать будущего. Чтобы видеть то, что находится за горою, надобно прежде взлезть на гору и знать стезю, по которой должно взбираться. Если угодно, я тебе в немногих словах расскажу твою историю, с тем, однако ж, чтобы ты, государь, не прерывал меня и слушал терпеливо, без гнева, ибо в нашем ремесле должно говорить правду без прикрас». — «Говори». — «Прошу позволения присесть, — сказал вещун, — ноги мои подгибаются от старости и трудов». Он, не ожидая ответа, придвинул стул к столику, сел, вынул из своей сумы двенадцать деревянных жезлов, исчерченных знаками Зодиака и странными фигурами, вы-

брал один жезл и, повертывая его перед своими глазами, начал говорить: «Государь, судьба даровала брату твоему, Фридрику[4], престол Датский, а тебе бедный остров Эзель, знаменитый одною храбростью своих жителей. Неравенство долей ты думал вознаградить предложенною тебе от московского царя короною нового Ливонского царства и решился не только поклониться грозному владыке, но жениться на его племяннице». – «Все это так, – прервал Магнус, нахмутив брови, – но ты пропустил, что цель моя в сем деле состояла в том, чтобы утвердить благо христианства союзом с Россиею и привлечь Иоанна в общую войну, замышляемую всеми государями противу мусульман». – «Знаю, государь, что это был явный предлог; но я не касаюсь дел всем известных, а, говоря с тобою наедине, упоминаю только о тайных помышлениях». Вещун, сказав сие, снова начал повертывать жезл в руках своих и продолжал: «Оставив тихий свой Эзель, ты взамен нашел у московского царя громкие обещания и малые корысти. Он женил тебя на молодой своей племяннице, обещал царство, войско и пять бо-

чек золота в приданое». – «И ничего не дал, кроме жены, за которою я должен ухаживать как за ребенком», – возразил Магнус вспльщив. «Нет, государь, он дал тебе войско, и точно для завоевания Ливонии, но только для себя, а не для тебя». – «Совершенная правда!» – воскликнул Магнус. Вещун продолжал: «Ливонцы радовались прекращению вечных браней с Россиею и принимали твое войско в свои города. Но крутой нрав твоего покровителя, его медленность в исполнении обещаний и опасение лишиться плода толиких трудов и пожертвований внушили тебе мысль, государь...» В это время Магнус, слушавший вещуна с поникшею головою, быстро взглянул на него; вещун продолжал: «...внушили тебе мысль отложиться от Грозного царя и прибегнуть к покровительству польского короля». Магнус вскочил с кресел. «Ужасный человек! – воскликнул он, – ужели ты... но нет, ты не можешь знать тайных мыслей!» – «Государь, – сказал вещун, не трогаясь с места, – не было бы для тебя опасности, если б я один знал твою тайну: но ее знает царь московский...» – «Неужели?.. Но какие он име-

ет доказательства?» – сказал Магнус торопливо. «У Грозного царя подозревать, значит уличить в преступлении. Он уже наказал бесчестно твоих посланных[5], осыпал милостями врага твоего, польского пана Полубинского, и кипит гневом, что ты не явился к нему с повинною головой». Магнус отворотился, потом встал и прошел несколько раз по комнате – в задумчивости. Он снова сел на прежнее место и сказал: «Можешь ли ты предсказать, чем все это кончится?» – «Попытаюсь», – отвечал вещун; вынул из сумы другую связку исчерченных жезлов и дал Магнусу выбрать один из них. Трепещущею рукою прикоснулся он к волшебным знакам и поспешил отдать вещуну его орудие. Он повертывал палочку пред глазами, смотрел и молчал. «Можно ли поправить это дело?» – спросил Магнус. «Смирением или, лучше сказать, уничижением пред царем московским». – «Но неужели ты думаешь, что он решится умертвить меня, сына царского, владетельного князя Эзельского, супруга своей племянницы?» – «Государь! повторяю, одна покорность может спасти тебя». – «Но что станется с несчастным цар-

ством Ливонским?» Магнус при сем вопросе закрыл плащом лицо свое, чтобы скрыть невольное смущение. Вещун молчал. Магнус обратил на него взоры и увидел, что магическая палочка пылала в его руках синим огнем; вдруг огонь погас, и она задымилась. «Суета сует, – сказал вещун, – так проходит слава земная[6], так исчезают великие намерения!» Он уложил в свою суму магические орудия, встал со стула и низко поклонился Магнусу, примолвив: «Государь, более я не могу открыть тебе на один раз: если хочешь спасти жизнь свою, явись в стане московском и пади к ногам Иоанна. Теперь прошу тебя, вели меня выпустить из ворот замка: меня ожидают в другом месте». – «Не знаю тебя, но удивляюсь тебе, – сказал Магнус, – вижу, что ты знаешь прошедшее и настоящее, и потому хочу следовать твоим советам. Язык твой и высокий ум свидетельствуют, что ты не рожден в сословии поселян эстонских, хотя носишь их одежду. Скажи мне, кто ты таков? Быть может, я могу оказать тебе помощь и услугу со временем, если богу угодно будет сохранить голову мою для венца». – «Благо-

дарю тебя, государь, за участие, – сказал вещун, – но сила человеческая не в состоянии помочь мне и свалить камень с сердца; что же касается до моего происхождения, то оно знаменито одними бедствиями. Одежда моя знаменует мое происхождение». – «Чем же я награжу тебя за твой теперешний труд?» – «Золотом», – сказал вещун, улыбаясь. «Неужели золото имеет цену в глазах человека, читающего в прошедшем и будущем?» – возразил Магнус. «Именно знание будущего указало мне нужду в золоте и привело за ним к тебе». – «Не понимаю тебя, необыкновенный человек», – сказал Магнус, вручил ему кошелек с деньгами и позвал Дольста, который нетерпеливо дожидался окончания этого свидания. «Дольет, вели выпустить этого человека из замка: я узнал все, что мне знать нужно, если только по справедливости сказанного им о прошедшем и настоящем должно заключать о истине в будущем. Вели всем моим ротмистрам собраться завтра, на рассвете, в жилище моего верного друга, пастора Шраффера, для общего совета. Прости, любезный Дольет, добрая ночь: прощай, предска-

тель!» Призвав верного своего слугу, Магнус велел запереть двери и лег в постелю. Сон оковал усталые члены его, но страшные мечты волновали его кровь.

Не один Магнус томился мрачными думами и совецался до глубокой полуночи; не одни стражи бодрствовали в замке. Прелестная Элеонора, дочь пастора Шраффера, любимица Магнусова, боязливymi шагами пробиралась возле стены по узкой тропинке к северной башне, часто оступаясь во мраке. Одна только верная служанка сопровождала ее. Пришед к башне, Элеонора устремила взоры свои на высокое окно, окованное железною решеткою, и вполголоса сказала: «Владимир, Владимир, здесь ли ты еще?»

В тесной темнице заключен был боярский сын, Владимир Славский, доблестный воин, краса московских юношей. Он послан был от русского воеводы Богдана Вельского[7] к Магнусу с известием о взятии Вольмара силами царя русского и с требованием сдачи Вендена. Магнус, в отчаянии и в гневе за незаконное убийство своего ротмистра Вильке, начальствовавшего в Вольмаре, удержал Вла-

димира заложником за других своих слуг и по обычаю тогдашнего времени запер его в башне.

Элеонора воспитывалась в Москве у дяди своего, богатого купца, и Владимир, будучи в юных летах владельцем многих поместий, полюбил прекрасную иноплеменницу. Любовь победила суеверие и предрассудки. Элеонора клятвенно обещала или умереть в девическом состоянии, или быть женою Владимира. Обстоятельства смутили их счастье, но не погасили надежды. Отец Элеоноры, прибыв в Москву с Магнусом, увез дочь свою в Ливонию, назначенную в удел его благодетелю. Владимир в то время послан был царем в украинские города. Возвратившись в Москву, он не застал уже своей возлюбленной и весьма обрадовался, когда его послали к воинству, назначенному для покорения Ливонии. Он надеялся свидеться с Элеонорою, подвигами своими приобрести уважение Иоанна и Магнуса и получить руку дочери любимца короля ливонского в награду за свою службу. Судьба определила иначе: он прославился храбростью, но ко вреду Маг-

нусова счастья и в тяжелой неволе, сквозь решетки темницы, увидел подругу своего сердца. Уже целую неделю томился он в холодных стенах Венденской башни, и каждую ночь Элеонора приходила утешать его горе, разговаривать с ним чрез окно, уверять в неизменной своей любви и оживлять надежду. Владимир забывал целый мир в эти сладостные минуты и почитал себя счастливым.

Сон не смыкал глаз его; он с нетерпением ожидал милой своей гостьи, и привет ее любви раздался в его сердце, как голос спасения в минуту гибели. «Я здесь, Элеонора, – отвечал он, приблизившись к решетке, – и думаю только о тебе и об отечестве. Но скажи мне, что значит этот отблеск света на противоположных стенах замка? Не пожар ли опустошает окрестные леса или села?» – «Это огни твоих земляков, – отвечала Элеонора, – Иоанн с воинством пришел вчера к стенам Вендена». – «Благодарю бога за успех русского оружия!» – воскликнул Владимир. «Но ты знаешь Грозного, – возразила Элеонора, – нам угрожает смерть или плен; жалость не доступна его душе, и если Венден должен пасть, то и все

его жители погибнут. Я пришла проститься с тобою, мой возлюбленный! не знаю, что завтра будет; но хорошего не предвижу. Я не переживу постыдного плена, не стану дожидаться, чтоб меня продали лютым татарам, как жителей Зесвегена. Если мне должно умереть, то я разрешаю тебя от данной мне клятвы и умоляю выкупить родных моих из плена и отослать их в страну дальнюю, где бы они не слышали о бедствиях своего отечества. Это мое завещание». – «Тебе умереть! – воскликнул Владимир. – Нет, в целом воинстве русском не найдется изверга, который бы дерзнул поднять убийственный меч на ангела красоты и невинности. В русском войске ты найдешь людей жалостных и великодушных, которые будут сострадать об участи прекрасной пленницы. Успокойся, Элеонора, не предавайся отчаянию. Совесть воспретит Магнусу умертвить меня, безвинного заложника, и если я буду свободен, тогда...» – «Но отец мой! – воскликнула Элеонора, – Иоанн кипит гневом противу него, и если родитель мой погибнет от русских, никогда брачный венец не украсит бесприютной голо-

вы; никогда рука моя не будет принадлежать русскому. Гроб будет женихом моим. Я люблю тебя, Владимир, более моей жизни; но для любви я никогда не изменю ни моему долгу, ни моей чести». Слезы оросили лицо прелестной девицы: горесть Владимира заглушала в нем все другие чувствования. Он не мог проливать слез, не мог произнести утешительных слов, будучи сам терзаем отчаянием. В безмолвии он бросал блуждающие взоры то на небо, то на Элеонору и к умножению горя не мог видеть лица ее; в белой одежде она казалась ему таинственной гостью из-за пределов гроба. В его воображении уже свершилась ужасная месть Иоаннова; он уже мечтал о своем одиночестве и жаждал смерти, как исцеления от тяжкого недуга. «Прости, Владимир!» – сказала Элеонора с тяжким вздохом. Эти слова вывели его из его умственного оцепенения. «Элеонора! – воскликнул он, – какую ужасною вестью ты смутила мою душу! Зачем я дожил до этой горькой минуты! Зачем вражеская пуля не пресекла моей жизни, светлой надеждою на любовь твою и будущее счастье! Что я могу

начать в неволе, как пособить тебе?» – «Поручим богу нашу участь», – сказала Элеонора. «Господь не оставит без возмездия ни твоей добродетели, ни твоей твердости, – сказал Владимир. – Если ж нам не суждено быть счастливыми на земле, Элеонора, мы свидимся с тобою там, где ни воля Иоаннова, ни суеверные предрассудки не сильны разлучить нас. Прости!»

Элеонора удалилась поспешно: она думала смягчить горечь Владимира своим отсутствием. Несколько раз она озиралась на башню и устремляла взоры на окно, которое чернелось на серой стене, как могильная яма. Она не промолвила ни одного слова с верною своею спутницею, и, пришед в уединенную свою комнату, бросилась на колена, и облегчила сердце теплою молитвою. Любовники, разделенные непроницаемыми стенами, душою были вместе: они мечтали друг о друге.

Вещун, вышед за ворота замка, свернул с дороги, ведущей в город, и пошел полем к русскому стану. Подходя к холму, возвышавшемуся на берегу реки и поросшему кустарниками, он был остановлен окликом стражи:

«Кто идет!» – «Приятель», – отвечал вещун.
«Русский или иноплеменник?» – спросил страж. «Слуга царский», – сказал вещун и смело пошел к толпе воинов, которые сидели на земле в кругу, без огня. «Кто ты таков?» – спросил его начальник стражи. «Я сказал уже, что я слуга царский; ведите меня к государю». С любопытством осматривали воины вещуна, его чуждой наряд и удивлялись, что он говорит по-русски. «Не земляк ли ты наш, заблудший в иноземщине?» – спросил один из воинов. «Все мы дети одной матери, сырой земли, – отвечал вещун, – но время дорого, отправьте меня к царю». – «Теперь не пора: царь почивает, – сказал начальник стражи, – подожди с нами до утра». – «Невозможно: слово и дело[8]; я хочу говорить с государем!» – «Слово и дело! – повторил начальник стражи, понизив голос. – Ребята! свяжите его поясами, отведите в сторожевой полк и отдайте на руки воеводе Салтыкову[9]». Вещуну связали руки за спину, и три воина с обнаженными мечами повели его в стан.

В сторожевом полку только половина воинов покоилась в шалашах: прочие бодрство-

вали вокруг огней, сокращая время рассказами о битвах и об отечестве. С любопытством поглядывали они на связанного вещуна, думая, что это пойманный лазутчик. Шутки и угрозы сыпались со всех сторон, нисколько не смущая мнимого пленника. Провожатые остановились у ставки воеводы Салтыкова, который немедленно вышел к ним, узнав, что пленник желает объявить государю слово и дело. С вещуном никто не смел говорить, и воевода, велев его связать наново, отправил его под стражею в Большой полк, сказав десятнику: «Отведи этого человека к боярину Вельскому».

Одно это имя, свойственника губителя Малюты Скуратова[10], приводило в ужас неустрашимейших воинов. Стражи, не зная пленника и не смея его расспрашивать, почитали его или жертвою, или орудием какого-нибудь злодейства. Он бодро шел посреди их, храня молчание. В Большом полку господствовали спокойствие и безопасность. Воины лежали вокруг огней и в шалашах, погруженные в глубоком сне; только одни стражи бодрствовали, оберегая сложенные веред

каждою сотнею ружья, копыя и бердыши. Конница расположена была позади пешей рати, в некотором отдалении; там, при свете огней, видно было более движения. Воины, заботясь о своих конях, привязанных к кольям по десяткам, прерывали собственное спокойствие для надзора за верными своими спутниками в битвах и опасностях. На самой середине Большого полка, в тылу за пешею ратью, возвышался насыпной курган. На нем блестела разноцветная палатка царская с золотыми главами, огороженная частоколом. Противу каждого угла палатки стояло по одной огромной пушке; вокруг кургана в тесных рядах расположены были воины, в одинаких одеждах, вооруженные мушкетами. В некотором отдалении от сей живой стены раскинуто было несколько палаток, также окруженных стражею: здесь находились царедворцы, любимцы царские и его прислуга. Глубокая тишина наблюдаема была вокруг на далекое расстояние. Недремлющая стража наложила б вечное молчание на дерзновенного, который осмелился бы нарушить покой Грозного царя.

Вельскому дали знать о приходе иноплеменника, желающего говорить с царем. Ближний боярин, переговорив с ним, велел подождать до утра. Вещуна развязали; он лег на сырой земле у ног воинов и спокойно заснул.

Мрак начал редеть, и солнце показалось из черного облака. В безмолвии воины убирали коней и сменялись на страже. Толпы придворных слуг с нетерпением ожидали начала своей службы. Думные дьяки с бумагами сидели уже в приказной палатке и перешептывались между собой о важных делах государственных. Царь еще покоился.

Вдруг раздались в палатке царской звуки ударов в ладоши. Это был призывный знак: боярин Давид Вельский[11] и первый дворецкий и оруженосец царский, Борис Годунов, поспешили опрометью в палатку. Остановись у входа, они поклонились в пояс и сказали: «Здравия и многолетия желаем великому государю, царю нашему, владыке милосердому!» Иоанн лежал на одре, покрытом медвежьими шкурами. Он был в шелковом халате с золотыми узорами, опущенном соболями.

«Здравствуйте, верные мои слуги! – промолвил государь. – Борис, подними рать!». Годунов вышел и дал знак пушкарям, дожидавшимся повеления с зажженными фитилями. Раздался звук вестовой пушки, и во всех тысячах и ополчениях ударили в бубны. В одно время настал шум и говор в стане, подобно жужжанию пчел вокруг улья. «Государь! – сказал Вельский, – сегодня ночью явился в стан тот самый человек из Чуди, который сослужил тебе верную службу, быв в прошлую войну проводником нашего войска от Нарвы до Колывани[12]. Он мудр и многоязычен, от него было много пользы. Теперь он хочет говорить с тобою одним, государь, и прошел чрез стражу, объявляя „слово и дело!“». – «Помню; это вещун Марко, – сказал государь, – позови его». Вельский обыскал вещуна и, уверившись, что при нем нет никакого оружия, повел к Иоанну. Вошел в двери палатки, вещун упал на колена и воскликнул: «Слава господу на небеси, а великому государю на земле!» – «Здорово, старый знакомец! – сказал Иоанн, – с чем пожаловал: с добром или худом? говори смело». – «Государь! – от-

вечал Марко, – всякое благо подобает тебе. Я, нижайший раб твой, пришел известить тебя, что твой слуга Магнус, король ливонский, готов пасть к ногам твоим великого государя и с повинною головою принести ключи от замка и города». – «Достойный посланник изменника! – сказал Иоанн, громко захохотав. – Надобно бы начать расправу с тобой и повесить перед городскими стенами». – «Государь милостивый! – сказал Марко, – Магнус не посылал меня к тебе; но я сам пришел с вестью из одного усердия, выведав тайну его сердца». – «Так, стало быть, Магнус сделал худо, что не повесил выведывателя своих тайных дум. Как же ты узнал это?» – «Государь! ты знаешь мое ремесло». – «Твое ремесло – измена и плутовство», – сказал Иоанн, смеясь. «Я не изменял тебе, великому государю, но служил верно и скрытыми путями вел твоё войско чрез лесную и болотную землю Чудскую». – «Правда! за это я заплатил тебе золотом, и мы ничего не должны друг другу. Но помни, что кровь избиенных дворян немецких лежит на твоей голове: я умываю руки. Ты наводил удальцов моих на дворы

господские, когда немцы, не зная о нашем приходе, праздновали святки в пирах и веселье, ты указывал в лесах сокрытые их сокровища и стада. Марко, ты привел меня к Виттештейну, взятому на копье, где положил голову верный друг мой, Малюта Скуратов». При сих словах Иоанн нахмурил брови и закусил нижнюю свою губу: это был знак его гнева; холодный пот выступил на челе вещуна: он невольно затрепетал. Но вдруг Иоанн засмеялся. «Марко! не на своих ли палочках вычитал ты намерения Магнуса?» – «Государь могучий и милосердый! ты сам изволил приказывать мне читать перед собою на магических жезлах моих и был доволен мною!» – «Когда ж хотел быть ко мне мой сахарный зятек?» – спросил Иоанн, развеселившись. «Он рад бы лететь к тебе, да, верно, немцы его не пускают. Погрози им, государь, и они падут все перед тобою». Вдруг кто-то заглянул в двери. «А, это ты, Васька Грязной! – сказал царь. – По шерсти кличка. Поди сюда. Ты шут, а товарищем тебе будет плут. Возьми этого колдуна в свою палатку, корми, пой досыта и береги, как змею, за пазухой. Ты отвечаешь за него

своею головою». – «Государь! – отвечал шутник, – если он уйдет, то я отвечать буду языком. Вот если б ты мне дал на сбереженье пироги да романею, то бы голова моя шатка была на плечах; а с чухною что мне делать; разве повесить до твоего спроса, как окорок до разговенья». – «Ты храбр при мне, Васька, – сказал царь, – а за глаза струсишь колдуна. Умилостиви его и возвеличь; он пришел к нам посланником; поклонись ему по-немецки». Грязной расшаркался перед вещуном и, чванно подняв голову и раздув щеки, подошел к нему, обнял и, вместо поцелуя, стукнул лбом в его голову. Иоанн смеялся: «Васька, ступай и не отходи от него ни на шаг, вам не будет скучно. До свидания, Марко!» – «Борис! – сказал Иоанн Годунову, – пошли к Салтыкову в Передовой полк приказ, чтоб он выстроил дружины свои в боевой порядок. Рынду моего, Квашнина, пошли с десятком рейтаров и трубачами к воротам замка, чтоб он велел голдовнику[13] моему, Магнусу, явиться ко мне немедленно, сдать мне город и замок. В противном случае кара Вендена превзойдет все, что поныне слышали и виде-

ли в Ливонии!» Лицо Иоанна приняло грозный вид. «Вели сказать, – примолвил он, – что для слушников у меня нет пощады. Ты, Вельский, будь готов с Большим полком, а между тем призови ко мне моих думных дьяков с бумагами. Я головою здесь, а душою на Руси православной: дела моего государства не должны останавливаться ни в мире, ни в войне. Изменники Сильвестр[14], Адашев и Курбский с клеветниками хотели ослабить душу мою, но бог укрепил меня, и рука моя высока над моими врагами!»

С восхождением солнца ротмистры по повелению Магнуса собрались в жилище пастора Шреффера. Не было согласия в Совете. «Государь! – сказал неустрашимый и великодушный рыцарь Генрих Бойсман, комендант замка, – ты получил королевское звание от Иоанна, ты можешь повиноваться ему по своему произволу. Но мы добровольно признали тебя королем Ливонии в надежде, что наше отечество безопасно будет от нашествия сильных врагов наших, москвитян, и что ты доблестью своею исцелишь язвы Ливонии. Что же вышло? Иоанн только словом отдал

тебе Ливонию, чтобы именем короля и надеждою самостоятельности народа вовлечь его в сети. Царь жестоко наказывает тех, которые верят искренности его обещаний, и предаёт смерти жителей и воинов, покоряющихся и покоряющих земли и города твоему имени. В Вольмаре и других местах казнили рыцарей за то, что они служат тебе верно. Чего же нам ожидать? Если мы так несчастны, что ныне не можем сами собою отразить врага, некогда смиряемого войском меченосного Ордена, нам подают руку помощи Польша и Швеция: будем лучше шведскими или польскими подданными, но не рабами Иоанна. Нам памятна участь Новагорода, истребленного вконец за мнимую вину своего пастыря. Придет это и на Ливонию. Государь! если тебе угодно идти к Иоанну, мы объявляем себя независимыми и признаем того нашим властелином, кто защитит нас от Иоанна. Не почитай нас изменниками, государь! Не мы тебя оставляем, ты хочешь нас покинуть». — «Благородные воины, и ты, мой верный Бойсман! — отвечал Магнус, — нет, никогда я не назову вас изменниками, ибо тысячу

раз был свидетелем и вашего мужества и вашего прямодушия. Не требую от вас, чтоб вы шли вместе со мною и покорились Иоанну. Я нахожусь в другом положении: я зять его, вассал по данной мною присяге, и должен быть покорным ему, не имея силы поддержать прав своих на корону ливонскую. Но можете ли вы, в числе трехсот человек, защищаться противу 80 000 воинов мужественных и послушных своему царю? Бойсман! обдумай хорошенько. Эти крепкие стены не защитят вас: они рассыплются от грома русских пушек – и тогда что станется с вами?» – «Тогда умрем!» – воскликнули рыцари. «Бесплезною смертью, – возразил Магнус. – Жизнь ваша нужна для славы и блага вашего отечества; она драгоценна мне, умеющему ценить ваши доблести. Послушайте моего совета: отдайте город и замок Иоанну, с тем условием, чтоб он позволил вам удалиться свободно в Ригу. Если ж там вы не найдете убежища: мой Эзель – ваш удел. Брат мой, Фридерик, не оставит вас; вот вам от меня грамота к нему, а у Иоанна я буду вашим ходатаем». – «Мы благодарим тебя, государь, за добрый

твой совет и за добрые твои желания, – сказал Бойсман, – но не слишком ли рано сдавать крепчайший замок Ливонии? Пока мужество и сила русских будут сокрушаться о твердые наши стены, польский король может подоспеть к нам на помощь. Вчера вещун Марко вручил мне окружную грамоту ко всем ливонцам, подписанную князем Курбским. Вот она!» Бойсман вынул письмо и прочел: «Храбрые ливонцы! Верьте мне, воину поседелому в бранях, истощившему здравие на службе цари московского и испытавшему всю его неблагодарность за мою верность и преданность. Никогда Иоанн не восстановит вашей народной независимости, никогда герцог Магнус не будет королем ливонским! Вас ждет участь царства Казанского, участь Новагорода! Вы будете его подданными и будете разделять с другими бедствия от буйных порывов его гнева. Мужайтесь и держитесь крепко в ваших замках: Стефан Баторий[15], король польский, сжалился над вашею участью и уже собрал силы, чтобы освободить вас от притеснителя. Он предоставит вам на волю или служить Магнусу, которого он

читит, или на старинных своих правах соединиться с Польшею. Как русский, я желал бы, чтоб вы принадлежали России, но, как человек, не желаю, чтоб это было во время Иоанна. Я слишком хорошо знаю его. *Князь Курбский, воевода польских королевских войск*». Все молчали, и наконец Магнус сказал: «Еще Баторий собирает войско, а Иоанн уже под стенами замка. Для вас и для себя я решился идти к нему...» Вдруг раздались звуки труб за воротами замка. С поспешностью вошел в Совет воин и сказал: «Посланный царя московского, желает говорить с королем и дожидается у подъемного моста». — «Мы пойдем к нему навстречу, — сказал Магнус. — Господа, пожалуйста за мною». Ротмистры последовали за Магнусом, вышли за ворота и остановились на берегу рва. Русский посланец сказал: «Иоанн-царь, самодержец Российский и всех северных стран повелитель, государь законный Ливонии, подвластный единому богу, повелевает голдовнику своему, Магнусу, немедленно явиться в стан русский со всеми своими воинами и сдать крепость и город. Милость и прощение покорным, кара ослушни-

кам!» Магнус хотел говорить, но русский воин не дожидаясь ответа, повернул лошадь и поскакал в стан.

Тихими шагами, в задумчивости возвратился Магнус в замок. Оседланные кони уже стояли среди двора, и голштинская дружина его, состоявшая из двадцати пяти немецких дворян, под начальством Дольста, в блестящем вооружении ожидала приказаний своего повелителя. Голштинцы решились сопутствовать брату своего короля и разделить с ним его участь. «Бойсман, – сказал Магнус, – и вы, благородные рыцари, скажите мне, на что вы решились: сдать замок или защищаться в нем, полагаясь на слова Курбского?» – «Не верю словам изменника», – сказал престарелый рыцарь Горн. Бойсман и другие рыцари молчали, и наконец комендант сказал: «Отдадим замок, если Иоанн отпустит нас свободно, с оружием, не повелевая являться в своем стане». – «Итак, простите, верные мои друзья, – сказал Магнус и обнял по очереди всех ротмистров. – Никогда не забуду вашего усердия к моей службе». Слезы текли из глаз Магнуса. «А ты, друг и духовный отец мой, –

примолвил он, обращаясь к пастору Шраффену, – верь, что я употреблю все мои старания, чтоб примирить тебя с Иоанном. Бойсман, не отпустите ли со мною русского заложника?» – «Нет, государь, – отвечал комендант, – пусть он останется у нас; судьба его должна зависеть от поступков его государя с тобою: мы еще не пленники». – «Итак, простите!» – сказал Магнус со вздохом, сел на коня и выехал за ворота. Рыцари печально провожали его до подъемного моста и, проливая слезы, простились с бывшим своим королем.

Лишь только в русском лагере завидели пыль со стороны замка, все войско пришло в движение: полки выстроились на своих местах. Явился пред войском Иоанн в золотой одежде, в златоверхой остроконечной шапке, унизанной драгоценными камнями; на груди его висела алмазная цепь с двуглавым орлом, искусно вылитым из золота, с знаменем водворителя христианства в России, перевозанного апостола Андрея[16]. Царь в правой руке держал скипетр России, левою управлял вороным конем, который гордо сгибал выю и бил сильно копытами в землю.

Конский прибор и чепрак унизаны были жемчугом и яхонтами; седло оковано червонным золотом и изукрашено изумрудами. За ним следовала толпа оруженосцев, рынд, бояр и царедворцев в блестящих доспехах и в златотканых одеждах; сто конных стрельцов следовали за ним в тесных рядах. Царь в блеске величия казался каким-то высшим существом; тысячи с раболепством взирали на него и ожидали одного его мановения, чтоб принести ему в жертву жизнь свою. С появлением царя раздались радостные клики в войске, заиграли на трубах, ударили в бубны. Иоанн проехал по рядам Большого полка, приветствовал воинство и остановился посредине: все войско стояло в боевом порядке; на необъятном пространстве кругом города расположены были конные и пешие дружины; между лесом копий и бердышей блестели на солнце доспехи начальников; приставы скакали на конях, передавая полкам повеления. Жители города и защитники замка в безмолвии стояли на стенах, взирая с ужасом на сие величественное зрелище и ожидая разрешения своей участи.

Медленно ехал Магнус, и верные его рыцари следовали за ним печально, опустив копья, как на погребальном шествии. Увидев Иоанна, Магнус сошел с коня, велел дружине своей спешиться; приблизился к царю с потупленной головою и пал перед ним на колена. «Государь могущественный, отец мой милостивый! – воскликнул Магнус, простерши руки к Иоанну. – Внемли твоему вассалу и помилуй сына царского! Без вины виноват перед тобою. Ты мне дал королевство, и я думал, что исполняю волю твою, забирая города и земли на мое королевское имя. Слуги мои не везде меня понимали, часто ослушивались и противились твоим воеводам. Но вот я сам у ног твоих и склоняю в прах повинную голову. Город и замок готовы отдаться тебе: только немецкие дворяне просят твоей милости, чтоб ты отпустил их с оружием на волю». Вельможи с любопытством смотрели на Иоанна. Он не нахмурил бровей, не гневался и, взглянув с презрением на Магнуса, сказал: «Глупец! ты мечтал похитить королевство происками и обманом, забыв об отце своем и благодетеле. Ты пришел ко мне ни-

ций: я принял тебя в мое семейство, одел, обул, женил на моей племяннице, наделил казною и городами, а ты за мое добро изменил мне. Все открылось: ты хотел быть слугою польским; но господь милосердый сохранил меня и предает тебя в мои руки. Да совершится над тобою суд божий и наше царское правосудие. Я возьму свое, а тебя оставлю пресмыкаться в ничтожестве. С твоими немцами не имею нужды входить в условия: они должны пасть к ногам моим и ожидать – что мне заблагорассудится сделать с ними. Теперь скажи, знаешь ли ты этого человека?»

Магнус поднял глаза, и вещун Марко стоял перед ним. «Я только сегодня ночью узнал его, – отвечал Магнус, – он явился в замок с письмами ко мне от герцога курляндского, а к рыцарям принес окружную грамоту от изменника твоего, князя Курбского, который обещал им польскую помощь и увещевал защищаться противу тебя. Что я был противного мнения, доказывается тем, что я не с мечом противу тебя, а с просьбою у ног твоих!» – «Люблю правду», – сказал царь. «Ты, Марко, – примолвил он, – ты нашел, чего искал; здесь

будет конец твоим козням! Борис, отведи его к моей палатке, я сам допрошу его».

Когда сие происходило в поле, Клавдиус фон Юргенсбург, начальник города, знаменитый родом и воинскими доблестями, стоял на стене, окруженный отличнейшим дворянством. Зрелище уничижения бывшего короля ливонского и торжество врага Ливонии, царя русского, воспламенили гордую душу его гневом и местью. В порыве буйства он выхватил зажженный фитиль из рук пушкаря, приложил голову к дулу орудия и, увидев, что оно направлено на самое место унижительного явления, приложил огонь к затравке и выстрелил, воскликнув: «Гибните!» Ядро упало в нескольких шагах от царя и засыпало его землю. «Измена! – сказал Иоанн гневно, но без изъявления боязни. – Вельский, обезоружь предателя и его клеветов и содержи их под крепкою стражею. Они не стоят моего гнева. Салтыков, ты с Передовым полком ступай в город, возьми его на копье и накажи примерно царубийц. Голицын, ты скажи немцам в замке, что я освобождаю их от казни, ожидающей город, если они без всяких

условий предадутся мне и отдадут крепость невредимую; если же нет, горе им!» Царь с царедворцами возвратился в свою палатку и спокойно ожидал исполнения своих приказаний.

Подобно океану, прервавшему преграду, устремилось русское войско в город. Мужественно защищали вход жители и малое число воинов; но в одно мгновение ворота были выломлены, пушки взяты, защитники изрублены. Тесно было на улицах от русских дружин. Немцев преследовали повсюду и, догнав, истребляли до единого. Не было пощады ни полу, ни летам: воины русские ворвались в дома и умерщвляли всех без помилования. Не трогали их ни мольбы старца, ни вопли слабых жен, ни пронзительные крики младенцев. Русские карали в жителях Вендена царевубийц, и голос человечества замолк в сердцах. Крик, стоны, звук оружия и выстрелы потрясали воздух. Кровью обрызганы были стены домов; по улицам с трудом можно было пробираться по трупам. Часть жителей успела, однако ж, спастись чрез другие ворота в замок. Клавдиус фон Юргенсбург, несчаст-

ная причина сего мщения, погиб, защищая слабых жен и детей, искавших спасения в радушье. Голову его водрузили на копье и выставили на крыльце.

В одно время прискакали к Иоанну приставы из Передового полка и от князя Голицына. Первый известил, что кара Вендена исполнилась и что Салтыков ранен. Второй объявил, что немцы отвергнули предложение к сдаче замка и сели в нем насмерть. «Поздравь Салтыкова с моею милостью», – сказал Иоанн приставу Передового полка. Посланному Голицына царь сказал: «Вели, чтоб князь подвел все пороха, разможил замок до основания и карал упорных». Иоанн велел между тем привести к себе Марко. «Уличенный изменник, ты одним чистосердечным раскаянием можешь смягчить заслуженную казнь, – сказал царь, – отвечай по истине, как перед богом». Марко положил руку на сердце, низко поклонился и молчал. «Из какого ты рода и племени? – спросил Иоанн, – по какому случаю научился многим языкам и принялся за ремесло вещуна? Я хочу знать это». – «Я происхожу от первосвященника древнего

чудского бога Юмалы[17], – сказал Марко. – Когда немцы покорили страну нашу и ввели веру христианскую, предки мои, подобно всем княжеским родам нашего племени, сделались рабами пришельцев вместе с простолюдинами. В нашем роде сохранилась тайна жрецов – читать письма рунические и по течению звезд предсказывать будущее. Все мои предки до меня слыли волхвами в народе, и я, последний и беспотомный в нашем роде, следовал их примеру. Селение близ Кольвани, в котором я родился, принадлежало барону Штейнгерцу. Тяжела была рука его над подданными. Выезжая на охоту, он заставлял нас, вместо собак, сгонять дичь с утра до ночи; в будни и праздники тяготил работою и обходился с нами как с презренными животными. Я более других испытал его жестокость. В исступлении гнева он проколол копьем отца моего; хворую мать мою выгнал из селения по миру, как неспособную к работе, а у меня отнял невесту и закабалил меня на работу иноземным кораблестроителям в Кольвани. Я бежал в Гамбург, служил честно у купца 20 лет и был его приказчиком

в Москве; научился немецкому и русскому языку как своему природному, жил в довольстве, но не был счастлив. Несчастье моего рода и отечества тяготило мою душу. По смерти купца, моего благодетеля, я возвратился на родину, где забыли обо мне, поселился на городской земле и объявил себя вещуном, чтобы иметь повсюду вход и доверенность. Цель моей жизни и все мои дела и намерения – мщение. Собирая золото, я расточал его, чтобы возбуждать мятежи противу притеснителей моей родины и служил всем, кто только вступал в Ливонию вооруженною рукой. Я привел войско твое в землю Чудскую на погибель рыцарей; я внушил Магнусу чрез обманутого мною Шреффера, его любимца, мысль воспротивиться тебе, зная, что сим подвергну целую страну твоему мщению, я возбудил Курбского ободрить рыцарей в дерзком их намерении. Теперь я доволен: я довольно жил для мщения и не боюсь смерти: не имею нужды лгать перед тобою, ибо знаю, что ложью не спасу себя». – «Марко, – сказал Иоанн, – ты адский дух, а не человек; но ты обманщик, а не предсказатель бу-

дущего. Ты думаешь, что жизнь твоя должна кончиться от праведного моего гнева за измену твою, но ты ошибся. Живи: ты еще нужен мне, как ад и железо для исцеления недугов. Наложите на него цепи и отведите его с глаз моих».

Страшно загремели орудия, устремленные на древние стены Венденского замка. От каждого выстрела рассыпались камни и сокрушались башни. Защитники замка сильны были мужеством, но слабы средствами: едва несколько орудий ответствовали с бойниц на ужасный рев с поля, потрясавший воздух и землю. Участь жителей города погасила в сердцах рыцарей надежду на пощаду. Бойсман велел внести бочки с порохом в сени, собрал в большую залу всех рыцарей и всех жителей Вендена, укрывшихся в замке, и сказал: «Все свершилось! нам ничего не остается, кроме выбора смерти. Стены наши сокрушились, воинство русское немедленно вломится в замок. Должно или умереть от мечей русских, или славную смертью оставить по себе память. Я решился дожидаться здесь приступа, подорвать порохом эту часть замка и по-

гибнуть, нанеся гибель врагам нашим. Кто хочет умереть со мною, тот оставайся здесь; кто надеется спастись, не удерживаю!» – «Мы все умрем с тобою!» – воскликнули со всех сторон. Отцы и матери благословляли своих детей, держа их в своих объятиях; друзья и знакомые умилительно прощались. Вдруг явился слуга церкви, пастырь, украшенный сединами, в полном облачении, со знамением Спасителя. Все присутствовавшие упали на колена; пастырь прочел громко молитву и начал говорить проповедь о ничтожестве жизни земной, о непреложности будущей. Слушатели внимали ему с умилением. В это время раздались воинские клики и уже русские воины были на проломе. Быстро устремились они чрез двор к главному зданию, где видели людей в окнах, и в это ужасное мгновение Бойсман взял горящий светильник, приблизился твердыми шагами к окну и зажег фитиль, проведенный к нижнему жилью, где сложен был порох. Благочестивый пастырь прочитал молитву по усопшим и едва успел промолвить: «Отче, в руке Твои отдаю дух мой!» – вдруг здание потряс-

лось, земля расступилась, стены лопнули, и обломки с ужасным громом и треском взлетели на воздух в дыме и прахе, с грудями изувеченных тел. Полки русские остановились; выстрелы умолкли, вопли прекратились.

Элеонора слышала речь Бойсмана и поспешила к отцу своему, который, запершись в своей комнате, собирал важные бумаги Магнусовы. Она не сказала ему об ужасном решении отчаянного коменданта; но, бросаясь на колена, просила освободить русского узника. В недоумении о своей участи Владимир слышал стрельбу, внимал вопли победителей и погибающих и ждал конца, помышляя единственно о своей возлюбленной и о славе России. Вдруг дверь его темницы отворилась, и Элеонора бросилась в его объятия. «Отец мой, – сказала она, – вот мой возлюбленный, тот, которому я отдала мое сердце. Я молчала перед тобою, ибо не знала – увижусь ли с ним; теперь судьба соединила нас на краю гроба». – «Русский, – сказал Шреффер, – ты дорог мне любовью моей дочери и своим постоянством. Возьми этот меч и ступай к своим; они уже приближаются к стенам. Оставь нас,

мы обречены на смерть». – «Нет, я не оставлю вас, – сказал Владимир, – и если не защищу, то умру вместе с вами». В это мгновение башня потряслась на основании, воздух помрачился, и страшный гром оглушил Владимира и отца Элеоноры. Она упала на колена и пламенно молилась. С удивлением и ужасом услышал Владимир и несчастный старец рассказ Элеоноры о подвиге Бойсмана, и Владимир вместе с ними почтил память героев слезами сострадания. «Потомство, всегда благодарное и правосудное, – сказал Владимир, – вознаградит славою великое дело и почтит память храбрых благословением».

Между тем русские воины, ворвавшиеся в замок, пришли в себя от первого впечатления, произведенного взрывом и геройством осажденных. Князь Голицын велел щадить оставшихся; но разъяренные воины умерщвляли упорных, которые скрылись в подземельях и мужественно защищались. Толпа свирепых татар, бывших в войске Иоанна, вломилась в башню, где находился Владимир: дикари неистово бросились в двери, увидев прекрасную девицу. Голос Владимира остано-

вил их, а меч удержал от дерзких покушений. Он велел проводить себя к князю Голицыну.

Смерть пощадила Бойсмана: изможденный, он лежал на мураве и с отчаянием в душе взирал на развалины, которые отринули его из своего лона – во власть врагам. Голицын с уважением велел поднять героя и на носилках из копий отправил к Иоанну вместе с другими пленниками, поручив Владимиру начальство над стражею.

Иоанн видел с возвышения грозное явление, но не знал причины. Думая, что Марко участвовал в тайнах защитников замка[18], он велел его привести к себе. Но он уже перестал жить. Скоропостижная смерть разлучила его со светом. Лекарь объявил, что на лице умершего заметил признаки сильного яда. Несчастный сам наказал себя за свои злодеяния. Иоанн велел бросить в реку безобразное его тело.

Царь любил Владимира как храброго воина и родственника любимца своего, Бориса Годунова; он обрадовался его избавлению из плена. Владимир рассказал царю о героическом подвиге защитников замка, указал

на Бойсмана, их начальника, и, упав к ногам царским, молил его о помиловании Шреффера и его дочери. «Да будет так, – сказал Иоанн тихим голосом, – в сей день довольно пролито крови, а дерзкие враги мои с ужасом услышат о каре Вендена». Царь хотел видеть Бойсмана; воины принесли его окровавленного и положили у ног Иоанна. Долго смотрел он на обезображенные черты героя и наконец сказал: «Дорого бы я дал, чтобы иметь более таких слуг; но ты безумно поступил, Бойсман, предпочитая смерть покорности царю русскому. Не на себя вы держали замок, и чем пресмыкаться у ног шведов или поляков, лучше бы вам просить у меня восстановления прав своих. Не вы мне, а я вам нужен». – «Я служил верно королю ливонскому, – сказал Бойсман слабым голосом, – но ни пред кем не пресмыкался: я рыцарь и только израненный, лишенный сил могу валяться в ногах чужеплеменного государя. Великодушие твое в Вендене мы видели с башен замка и решились смертью избавиться стыда и мщенья. Суди меня и карай, но помни, что есть Высший Судия, который наблюдает и дела силь-

ного, и страдания слабого». – «Отнесите его к другим пленникам!» – сказал Иоанн. Печаль омрачила лицо его. Бойсман умер на руках русских воинов. Последние слова его были: «Бог!.. Ливония!»

Царь возненавидел пребывание в Вендене: кровопролитие утомило его грозную душу. Угостив великолепным пиршеством воевод русских и знатных литовских пленников, он отпустил их домой, поручил войско воеводам: князю Тверскому Симеону, князьям Ивану Шуйскому и Василью Сицкому и с торжеством отправился в Юрьев, окруженный боярами, царедворцами и телохранителями. Магнуса везли за царскими обозами как пленника, а знатных его дворян гнали как стадо. В числе пленных была Элеонора с отцом своим; о них имел попечение Владимир, сопровождавший царя в звании второго оруженосца. Никто не мог проникнуть тайной думы Иоанна, и многие мыслили, что он казнит Магнуса за измену и ослушание. В Юрьеве решилась его участь. Иоанн, в присутствии всех знатных ливонцев, покорных русской власти, велел призвать к себе Магну-

са, который явился к нему как жертва. «Забываю все, – сказал Иоанн, к удивлению всех присутствовавших, – дарую тебе и твоим людям жизнь и свободу: тебе назначаю Обернален с городами в удел, пока оружие решит спор наш с шведами и поляками о обладании Ливонии. Но помни, Магнус, что дело мастера боится и что я могу так же легко сокрушить, как и сотворить. Сиди смиренно и не слушай никого: мои приказания да будут твоими советниками. Иди с миром!» Магнус преклонил колена и со слезами благодарил Иоанна, который, будучи всегда грозным, умел иногда быть и великодушным. «Я вижу твою тоску, юноша, – сказал Иоанн Владимиру. – Царское слово излечит недуг сердца: за верную твою службу награждаю тебя прекрасною женою и властью моею разрешаю брак с иноверкою. Отец ее провинился предо мною, но сей день есть день милости и прощения. Он не будет более при Магнусе, чтобы не смущал слабой души его советами ложными. В Москве я устрою судьбу его: он будет полезен мне в делах с чужеземцами. Ступай в Москву с новою своею семьей: так я хочу!»

Сноски

Венден (Цесис) – крепость, в свое время бывшая резиденцией магистра Ливонского ордена. Последний существовал с 1237 по 1562 гг., вел захватнические войны против Литвы и Руси.

[^^^]

2

Орден Меченосцев – духовно-рыцарский орден, основанный в 1202 г. В 1237 г. слился с Тевтонским орденом, образовав восточный филиал последнего – Ливонский орден.

[^^^]

Магнус (1540–1583) – принц датский, сын Христиана 111, был женат на племяннице Ивана IV Марии. В 1570 г. был провозглашен королем Ливонии под верховным владычеством русского царя. В 1578 г. перешел на службу к польскому королю Стефану Баторию.

[^^^]

4

Фридерик – старший брат Магнуса, король Дании Фридерик II (1534–1588).

[^^^]

5

Он уже наказал бесчестно твоих посланных...
– Двое послов, отправленных Магнусом к царю, были высечены по приказанию Ивана IV и отправлены обратно.

[^^^]

...так проходит слава земная... – Автор вкладывает в уста вещуна древнее латинское изречение.

[^^^]

Богдан Вельский (?-1611) – любимец Ивана IV, был крестным отцом и воспитателем царевича Дмитрия; после пресечения династии Рюриковичей претендовал на царский престол; при Лжедмитрии I, которого Вельский почитал за истинного царя, стал боярином (1605).

[^^^]

Слово и дело... – «Слово и дело государево» – девиз и система политического сыска в России конца XVI–XVIII вв.

[^^^]

Салтыков – очевидно, имеется в виду Михаил Глебович Салтыков, боярин (1601), известный деятель времен Смуты.

[^^^]

Малюта Скуратов (?-1573) – Григорий Лукьянович Скуратов-Вельский, думный дворянин, глава опричного террора, любимец Ивана IV, погиб в бою в Ливонии.

[^^^]

Давид Вельский – приближенный Ивана IV, был свойственником Малюты Скуратова, впоследствии бежал в Литву.

[^^^]

Колывань – древнерусское название Ревеля.

[^^^]

Голдовник – вассал.

[^^^]

...изменники Сильвестр, Адашев и Курбский... – Речь идет о бывших сподвижниках Ивана IV. Сильвестр (?-1566) – русский политический деятель и писатель, священник, имевший одно время большое влияние на царя; с 1560 г. был удален от двора, а позже постригся в монахи. Адашев Алексей Федорович (ум. 1561) – один из руководителей внешней политики при Иване IV; окольничий, начальник Челобитного приказа и постельничий; с 1560 г. в опале. Курбский Андрей Михайлович (1528–1583) – князь, боярин, писатель; в 1564 г. бежал в Литву. Широкую известность получили его послания к Ивану Грозному, которого Курбский обвинял в деспотическом правлении и нарушении христианского милосердия.

[^^^]

Стефан Баторий (1533–1586) – король польский (с 1576 г.), прославившийся своими военными победами.

[^^^]

...с знаменем водворителя христианства в России, первозванного апостола Андрея. – По сказанию древнерусских летописей, св. апостол Иисуса Христа, брат Петра Андрей проповедовал христианство в Древней Руси и доходил до Киева и Новгорода.

[^^^]

Юмала. – В финской мифологии первоначально божество огня, соответствовавшее славяно-литовскому Перуну (Перкуну); затем Юмала был признан высшим божеством, создателем всего мира.

[^^^]

...о геройском подвиге защитников замка... – Событие имело место в действительности. У Соловьева об этом сказано так: «Уже три дня продолжалась осада замка, осажденные видели, что далее защищаться нельзя, и решили взорвать себя на воздух, чтоб не ждать мучительной смерти и не видеть, как татары будут бесчестить их жен и дочерей» (Соловьев С. М. История России, т. 5–6. М., 1960, с. 645.)

[^^^]